

Борис Эренбург

Батюшков

*«Который час?» — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «вечность».*

Осип Мндельшт м

*Более половины своей жизни Батюш-
ков провел в тихом и буйном помеша-
тельстве.*

Из биографий

21 января 1833 г.

Болезнь мою признали неизлечимой и везут меня в Вологду, не родину предков.

Я перенес то, что не многие перенести могут; меня злели; я весь рзбит; я был в сильной горячке, был почти полоумный, из меня делали сумасшедшего; я несколь-

ко рз хотел зрезаться, к кой-то Плетев пишет от моего имени в журнал х. Скорее зпрягите, други, колесницы моя уже поднимаются в небо: «Dahin, dahin, dort ist mein Vaterland!». Д, я был совсем идиотом, лечился в Швейцарии, жил четыре года в Зоннерштайне у профессора Шнейдера, но это дивно сгинуло в прошлом... Немцы признали меня сумасшедшим и отправили обратно к своим, Россию. Помнишь ли: туда, где мирный луг и первые подвалы, где игры детских лет, невинным драглы... О, родина, где можно попросить кусок черного хлеба у кждого солдата, и он даст! Родина президент мой бедный талант, но ккое дело мне до рдостей и бедствий человеческих, мне, страдствующему офицеру, даже еще с подорожной по кзенной и добности!

Надцатого марта 1839 г.

Меня тоже за идиота считают все почему-то, я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота; но какой же я идиот теперь, когда я сам понимаю, что меня считают за идиота?

Самое главное: я открыл формулу времени и жизни вечной. Что такое часы? Ловушка. Достаточно только поверить, что есть время, и в тебе начинают стучать часы. Каждый, кто спросит «Который час?» — умрет. Вечность, одна вечность спасает от времени. Никто этого не знает, один я. Я спрятал формулу в стихах, зашифровал словесными ключами:

*Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!...*

Это первая часть формулы, вторую пока не пишу, ибо преследуем врагами. Выбитый по щекам, замученный и проклятый вместе с Мартыном Лютером на машине Зонненштейна безумным Нессельродом, имею одно утешение в Боге и дружбе таких людей, как Жуковский. Надеюсь, что Нессельрод будет наказан, как убийца. Я ему никогда не прощу, ни я, ни Бог правосудный, ни люди добрые и честные.

Кругом шпионы, даже друзья Гнедич, Вяземский, Карамзин записывают за мной слова и отсылают куда-то, думаю, Нессельроду. О, Нессельрод, это голова! Он даже более голова, чем доктор Мюльгаузен в Симферополе. Нессельрод — это канцлер, главный враг мой. Он карлик, поэтому жена Нессельрода носит его в кармане.

14 мая 1854 г.

Племянник Модест говорит, что началась война. Наши разбиты на Альме, Севастополь осажден. Англичанка гадит. У француза отшибло память.

Велел принести карты, инспектирую укрепления города, черчу рекогносцировки. Я знаю войну, я стоял под пулями у Теплица. Но что я могу? Од не писал отродясь и не буду, оставим графу Хвостову. Приличную оду мог бы написать маленький Пушкин, а историю описать Карамзин. Но их нет, ушел Гнедич, нет Жуковского, остался я, один за всех. Часы, проклятые часы! Друзья были неосторожны и погибли. Они проводили меня в Италию и умерли сто лет назад.

Но я-то жив! Написал давеча прелестное стихотворение к портрету Буксведена-Шведского:

*Премудро создан я, могу на свет
сослаться;
Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь, чтоб заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.*

В этом стихе заключена вторая часть формулы. Но есть и третья! Молчание, молчание... Неприятель не дремлет. Карлик Нессельрод — австрийский шпион и подставил государя. Россия опять одинока, окружена врагами и терпит поражение. Одна надежда, что Пальмерстон совершит роковую ошибку и спросит француза «Который час?». Я узнавал, у него есть часы на золотой цепочке в жилетном кармане.

Никоторого дня в сентябре 1887 г.

Умер государь-император огромного росту и размеру. Когда он проезжал по Петербургу, весь город снимал шапки, и я тоже. Он говорил, что у России нет друзей и союзников, есть только армия и флот. И он прав, тысячу раз прав! Родина одинока, я одинок, и нас обоих преследуют завистью. Племянник сказал, что царь много пил русского вина, ибо не любил французского и умер от нефриту не дожив до пятидесяти, не успев свершить великих дел своих.

Конечно, императора погубило не плохое вино, а часы, зеркала и время... Впрочем, я всегда пью только лучшее француз-

ское из Петербург . Племянник выписыв ет
ящик ми. Время губит, но почки н до бе-
речь.

Одн ко все, что дел ют з гр ницей,
кроме вин , — дурно. Вот луну, н пример,
дел ют в Г мбурге, и прескверно дел ют:
светит гор здо хуже русского солнц . А луч-
ше всего в России дел ют стихи. Д же мне,
хотя я д вно ост вил поприще поэт , иногд
уд ется з рифмов ть несколько строк:

*Царицы, царствуйте, и ты,
императрица!
Не царствуйте, цари: я сам на Пинде
царь!
Венера мне сестра, и ты моя сестрица,
А Кесарь мой — святой косарь.*

Это третья ч сть формулы, ск жу в м в
т йне. Спрят н в стих х, з шифров н тон-
ко, ср зу не поймешь.

У меня только один Кес рь — святой
кос рь. Время — это смерть с косой,
смерть — это время. Никогд не злите Кес -
ря, не спр шив йте: «который ч с».

Фибромарт 17г.

Принесли г зеты. В Отечестве революция.
Пр вит кто-то м ленький, лысый. Это по-
зор, ср м для держ вы, мог бы и п риком
прикрыться. Н верняк Нессельрод пря-
чется з ним; дв к рлик з хв тили вл сть
и доберутся до меня. Теперь у н с Револю-
ция будто во Фр нции, ст ло быть, впереди
гильотины, робеспьеры и много много голов,
отделенных от тел своих. З тем н ст нет
Н полеон. А р з Н полеон, зн чит, будет
воин с герм нц ми. Конечно, мы победим
прусс ков и, яко фр нцузы, з воюем пол-
Европы. Импер тор ост новил Россия, но
кто удержит н шего Н полеон ? Никто, ни-
кто... А я, к ков же судьб моя? Революци-
онеры убили Шенье, негодяи уморили Т сс ,
с нкюлоты придут з мной, н до н пис ть
н прощ нье элегию.

Сегодня н лош дях приск к ли люди
с с блями, н них были остроконечные ш п-

ки со звезд ми во лбу. Явно это м соны.
Они з бр ли у племянник молоко, хлеб и
н шу козу.

Племянник их боится, он з ст вил меня
снять х л т и н деть шт ны. М сон м будто
бы нельзя видеть дворянский х л т. К чему
этот м ск р д? Ж лкие, ничтожные люди,
они не зн ют, кем я был до революции. По-
езж йте в Ц рское Село и спросите, кем был
Б тюшков до революции? Люб я соб к
в Ц рском зн ет: Б тюшков был поэтом и
служил по министерству иностр нных дел.

Эти м соны допустили роковую ошибку,
они спросили у меня про время.

— Вечность! вечность! — з крич ля им
и снял шт ны. Бедняги уех ли. Они обрече-
ны и скоро умрут.

Ноябрь 37г.

Н пис л госуд рю прошение о постриже-
нии меня в мон хи. Хочу в Соловецкий мо-
н стырь или н Белоозеро. Ответ нет, нет
мон ршего повеления.

Племянник повед л, что н Соловки везут
нынче без прошений и уже нет мест. К к это
нет мест н Соловк х для поэт ? Я воев л,
бился с фр нцуз ми, был р нен, у меня есть
з слуги перед Отечеством. К тому же я пис л
стихи, безделки, но их ценили, з мех низм
стихотворный, з язык, з чувств , н конец.
Молч ние, молч ние... Это он, Нессельрод,
злбный к рлик, это его происки. К рлико-
вое превосходительство спрят лось з спи-
ну госуд ря и припомин ет мне ошибки по
службе, плохо з точенные перья, кляксу н
докл де Илов йского.

А ведь я хочу в мон хи, хочу окончить
жизнь в тихих молитв х. В России всюду
нужны связи. Чтобы постричься, нужн
протекция. А у меня нет связей при дворе,
одни вр ги. И где теперь Вяземский, Тур-
генев, Гнедич, где вы, верные друзья? Пусто
в пен т х.

Дост л тихонько портрет Н полеон , по-
д ренный мне Жуковским, и помолился. Д
ц рствует он снов во Фр нции, Исп нии
и Португ лии, нер зделимой и вечной им-

перии Французской, его обожающей и его почтенное семейство! Да будет он победитель пером, яко братия его, великие цари Бурбоны! Да будет меч его победитель над варварством, ограда христианских народов, утешение человечества!

Наполеон на портрете странный, весь в усах и штаны гусарские.

Сын племянника принес письмо «Батюшкову, поэту». Зачитал. Приглашают в некий Союз писателей. Это нечто славянофильское вроде московского общества губителей словесности, помню такое. Но мне за чем? Я уже состою в Казанском обществе рубителей слова, имею быть членом оною. Не желаю в Союз, хочу в монастырь.

Месяц августул, без года

Лорду Байрону.

Прошу вас, милорд, прислать мне учителя английского языка, когда я буду обитать снова в Москве, в сем доме. Желаю читать ваши сочинения в подлиннике. Молитесь невесте моей. Константин Батюшков.

Адрес: Лорду Байрону, в Англию.

Примечание: Письмо притворное. Через учителя имею намерение сообщить лорду формулу.

Декабря последнего дня, год 39

Когда я сидел у окна и писал пейзажи с лошадью, пришел юноша. Стал читать стихи «Словно гуляка с волшебною тростью, Батюшков нежный со мною живет». Я сразу понял: это Плетаев, за хвалами спрятано поругание. Что писать обо мне и что говорить о стихах моих?.. Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!.. Я болен, болен и принимаю ванны.

А все-таки Плетаев ныне пишет гораздо лучше: «только стихов виноградное мясо мне освежило случайно язык!» Механизм

стихов приятен, и картины выходят свежие. Может, это и не Плетаев.

Еще заглянул один писатель в круглых очочках, похож на доктора, глядел на меня с любопытством. Пишет, говорит, одесские рассказы. Какие могут быть рассказы в Одессе? Пыльный город, везде греки и французы, один русский, да и тот Раевский. «Ах, Батюшков, — сказал этот пишущий доктор, — вы еще не арестованы, как вам не стыдно?» И засмеялся.

Он хотел вывести меня из себя, поговорить о гонениях, но я притаился, я затих и заманил его в ловушку времени.

— Не пора ли вам уйти, милостивый государь? — произнес я с достоинством.

— А который час? — спросил этот человек. — Который час?

— Вечность! — ответил я ему. Он погиб, определенно погиб, бесповоротно и навсегда. И я, я повинен в этом.

78 некторого месяца

Я нездоров и слышу голоса. Маленькая черная тарелочка говорит человеческим голосом. Оказывается, окончилась война с германцами и правит кто-то маленький, лысый, снова без парика. Позор, позор, заговор. Из всеобщих идей, говорят, сейчас кукуруза. Почему кукуруза, зачем она?

Где Александр Павлович, куда царя дели? Государь-душитель хоть и бегал за мной с веревкой, а росту был статного и вид имел суровый. Внук племянника говорит: у нас каждая кухарка может управлять государством. Как это управлять, коли не учились этому? Царевичей на царей учат с детства, вот она — польза образования. Вокруг меня сумасшедшие, мне страшно, я три дня не выходил из комнаты. Один Батюшков сохранил искру разума, меня надо беречь. Нессельрод хочет свести всех с ума и повязать веревками.

Сижу, повторяю: время мера мира, время мера мира. Очертил круг вокруг себя. Надо бы перечитать басню «Ворона и лисица» да занять деньги у Ивана Андреича Крылова.

Он зн ет — я отд м. И он единственный, кто не спр шив л меня про время.

Гл вное, убр ть из к ждого дом зерк л , свечки и ч сы.

34 апреля эра благоденствия

Приезж л незн комый стихотворец с гит -рой, очень понр вился. Н помнил Ан креонт -Д выдов : голос н стоящий гус рский с б рх тной хрипотцой. Р зговор гостя умный, взгляд быстрый, огненный. Быв л в П риже и в Не поле, жен фр нцуженк из дворян. Мой новый приятель откинулся в кресл х, спел прелестную песню своего сочинения: «Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее». Я тоже вспомнил веселье в Ц рском и н пел свою «В кх нку». Выпили штоф и облобыз лись.

*183 год от рождества богородицы моей
Екатерины Карамзиной*

Внуч тый племянник ск з л, что н площ ди пост влен п мятник к двухсотлетию Б тюшков . Ходил ночью, смотрел: стоит бронзов я лош дь, сбоку девк и молодой истук н рядом. Кто из них я? Я столько же не похож н истук н , к к лош дь н моего Рыж к . А кто тогд девк ? Никогд в поход х и н биву к х не возил з собой блядей в отличие от многих, ведь я не фельдм рш л. Поднялся слев по ступеньк м и уткнулся в з д животному. Тьфу! В городе н зыв ют это «П мятник лош ди», пр вильно н зыв ют. Нед вно укр ли уздечку и железную доску с н дписью «Б тюшкову от бл год рных потомков». Воруют к к прежде, вот бед . Д хоть бы совсем р ст щили. Н м не д но предуг д ть, к к н ше слово отзовется, и обр зы н ши в потомстве з г дочны.

Стр ной ояпля пр вит кто-то м ленький лысый с пятном н темени. Н чин ю привык ть.

Площ дь империи уменьшил сь, но стихов, говорят, ст ло больше. «Ниоткуд с любовью, н дц того м ртобря, дорогой, ув ж -

емый, мил я, но не в жно», — дочк внучки прочит л мне эти стихи новых поэтов.

Язык стр нный, черт ногу сломит, похож н Шишков и Ш ховского вместе взятых, но есть что-то зн комое. «Н дц того м ртобря!» — из меня, из дневник моего. Девочк сообщил , что я — учитель всей русской словесности, т к ее н учили в школе.

Вологда, год 2016

от Рождества Христова

Время провожу в великой скуке, стр д ю непрерывно от н сморк . Здесь дожди беспрест нные. Одр ко, невзир я н сию тмосферу, требуйте от Модест , чтоб он любил свою родину Тулу, яко истый Грек, и вспомин л с бл год рностью вечную тр -пезу под тению домовых смоковниц и олив. Просите в шу м меньку присл ть мне духов, и деньги н попку можете з нять н мое имя у Ив н Андреич Крылов . Он зн -ет, к к я честно пл чу то, что беру вз ймы. Прошу Елис вету Петровну не пок зыв ть моих новых стихов «Подр ж ние Гор цию» Алекс ндру Петровичу Брянч нинову, ибо он презир ет мой бедный т л нт, обит я, яко Аполлон, посреди столь великих стихотворцев в гр де святого Петр .

Новости уж сны. Россия опять одн , без друзей и окружен вр г ми. Н чин ю при-вык ть.

Зн ю, виною всему недруг мой Нессельрод, злобный к нцлер, иностр нный гент. Вр ги изобрели говорящие трубы, якобы для перед чи речи н р сстоянии. Н с мом деле эти м шинки шпионят з мной, хотят выве-д ть формулу, перед ть к нцлеру. Выбросил трубу, под ренную племянником, в печку, прямо к Нессельроду, пусть под вится.

Я уст л. Боже, к к я уст л погиб ть еже-дневно н этой к торге. Лучше уйти р з и н сегд . По сему поводу н пис л з вещ -ние:

«Прикажите похоронить мое тело не под горю, но на горе. Заклинаю воинов, всех христиан и добрых людей не оскорблять моей могилы.

Желаю, чтобы родственники мои заплатили служанке, ходившей за мною во время болезни, три тысячи рублей; коляску отдать в пользу бедных колонистов, если есть такие; заплатить за меня по счетам хозяину около трех тысяч рублей; вещи, после меня оставшиеся, отдать родственникам, белье и платье сжечь или нищим;

крепостного человека Павла, принадлежавшего К. Ф. Муравьевой, отправить к ней».

Запечатал конверт, отдал племяннику, трижды с чувством спросил его:

— Который час?

— Да ведь я не глухой, дядя Константин Николаевич, — обиженно ответил племянник.

И более ничего не произошло.